

Предисловие:

1. Это роман о двух главных героях-мужчинах, то есть история любви двух мужчин. Если вы зашли не туда, можно выйти.
2. Здесь нет сверхспособностей, читов и зомби — это просто история о стихийной катастрофе.
3. Темп неспешный, атмосфера тёплая, отношения развиваются постепенно; без дешёвой драмы. Плохие люди будут, но немного.
4. Под оболочкой постапокалипсиса скрывается история, где герои щедро кормят читателя романтикой, а заодно и вкусной едой.
5. В книге много блюд и обычаев Северо-Восточного Китая — можно использовать как ориентир, если соберётесь туда путешествовать. Если где-то ошибусь, пишите в комментариях.
6. Эта история — лишь о том, что двое обычных людей, переживших катастрофу, могли сделать максимум возможного до её начала. Во время публикации, если заметите, что я что-то упустил, пишите — буду учитывать ваши советы.

— Бэйбэй...

Сян Бэй то погружался во тьму, то вновь всплывал из беспомыслия.

Это галлюцинация? Кажется, он слышал голос Мэн Наня.

Наверное, всё-таки галлюцинация.

Они давно расстались. Сейчас Мэн Нань должен был находиться в тренировочном центре соседнего города, за двести километров отсюда.

Сколько дней прошло с начала лютых морозов? Сян Бэй уже не знал.

В первые дни, когда температура опустилась к пределу человеческого выживания — семидесяти градусам ниже нуля, — он ещё мог сохранять ясность сознания и считать дни.

Но после того, как пропали вода и электричество, холод и голод быстро пожрали остатки рассудка.

В доме давно закончилось всё съестное.

Метровый аквариум, которым он когда-то так дорожил, превратился в последний источник жизни.

Золотых рыбок ранчу, которых он растил много лет, пришлось глотать живьём. Водоросли он разжёвывал и проглатывал, а вонючая, давно не фильтрованная аквариумная вода казалась сладким источником.

Потом замёрз и сам аквариум. Сян Бэй откалывал лёд кухонным ножом, разжёвывал куски вперемешку с осколками стекла и глотал их вместе с кровью, наполнявшей рот.

Несколько дней назад закончилась и эта вонючая вода.

Закутавшийся в толстое одеяло Сян Бэй содрогнулся.

Вот, значит, каково это — умирать от голода. Сначала желудочная кислота жгла изнутри мучительной болью, потом пришло онемение, а теперь начались слуховые галлюцинации.

Так устал... Так холодно... Так хочется спать...

Казалось, стоит сейчас закрыть глаза — и он увидит папу с мамой.

— Бэйбэй! Открой дверь!

Мозг, уже готовый провалиться в вечный сон, внезапно очнулся.

— Бэйбэй! Открой!

За дверью раздавался торопливый, срывающийся на плач крик и сильные удары по двери.

Всё говорило Сян Бэю: это не галлюцинация.

Мэн Нань! Но как он мог оказаться здесь?

На улице лежал пяти-шестиметровый слой снега, всё транспортное сообщение давно прекратилось. Как он добрался сюда за двести километров?

Нет! Сян Бэй не хотел вот так умирать! Он впервые в жизни полюбил человека. Неужели предсмертная одержимость породила настолько реалистичный слуховой обман?

— Бэйбэй! Открой! Прошу тебя! Открой! — голос Мэн Наня становился всё тревожнее, он

почти кричал.

Вдруг снаружи слышались беспорядочные шаги и крики незнакомых мужчин:

— Он здесь! У него в рюкзаке еда!

— Навались все вместе!

Звуки драки, вопли, глухие удары тел о стену смешались с криками Мэн Наня.

Неизвестно откуда взяв силы, Сян Бэй из последних сил выпутался из одеял и пополз к двери, до которой было всего два метра.

Расстояние, обычно преодолевавшееся двумя шагами, сейчас казалось бесконечным подъёмом на Эверест.

В груди резало от боли, истощённые мышцы больше не слушались, руки и ноги обмякли.

Каждый сантиметр пути будто сжигал последнюю искру жизни.

Драка за дверью становилась всё ожесточённое. Сян Бэй слышал приглушённый стон Мэн Наня, но тот всё ещё кричал:

— Бэйбэй, не бойся, я пришёл...

— Мэн Нань... — голос Сян Бэя был тише комариного писка, почти неслышный.

Но Мэн Нань за дверью вдруг на секунду замер, словно что-то почувствовал:

— Бэйбэй! Ты ещё жив, да? Открой! Я здесь!

Последние полметра Сян Бэй преодолел одной только силой воли и протянул руку к дверной ручке.

Пальцы дрожали так сильно, что почти не могли ухватиться за ледяной металл.

И тут за дверью раздался тяжёлый удар, а следом — звук упавшего тела.

Всё внезапно стихло.

— Нет... — хрипло выдохнул Сян Бэй и, собрав последние силы, нажал на ручку.

Дверь открылась.

В комнату мгновенно ворвался ледяной ветер. Сян Бэй поднял голову и увидел в дверях фигуру, с ног до головы залитую кровью.

Лицо Мэн Наня покрывали синяки и раны, но он улыбался ему широкой, ослепительной улыбкой.

На нём был лыжный костюм, за плечами — огромный рюкзак, в руке — блочный арбалет. Позади на полу лежали несколько человек.

Сян Бэй, распластавшийся на полу, смотрел на залитого кровью Мэн Наня — и в эту секунду тот казался ему сошедшим с небес богом.

— Я пришёл, — хрипло, но мягко сказал Мэн Нань. — Даже если наступит конец света, я всё равно тебя найду.

Он быстро вошёл, закрыл дверь, отгородив комнату от холода и опасности, потом опустился на колени и крепко обнял почти потерявшего сознание Сян Бэя.

— Я принёс еду и лекарства, — тихо сказал Мэн Нань. Его голос дрожал от пережитого. — Мы выживем вместе.

В тёплых объятиях, слыша настоящий стук его сердца, Сян Бэй наконец поверил, что это не галлюцинация.

Мэн Нань действительно прошёл сквозь снег и лёд и вернулся к нему.

Но Сян Бэй понимал: на то, чтобы доползти до двери и открыть её, ушла последняя искра жизни.

Внутри его тело было словно лампа, в которой выгорело всё масло: свет стремительно угасал, ледяная пустота ползла от кончиков пальцев к сердцу.

— Как хорошо... что я всё-таки тебя увидел.

Голос Сян Бэя был едва слышен и, казалось, мог раствориться в холодном воздухе в любую секунду.

Он жадно обводил взглядом черты Мэн Наня, словно хотел вырезать его образ на своей душе и унести с собой в следующий мир.

Мэн Нань не ответил. Почти окоченевшими руками он судорожно дёргал молнию рюкзака.

Пальцы не слушались; лишь после нескольких попыток ему удалось открыть рюкзак и вытащить оттуда батончик Snickers.

Зубами он грубо разорвал упаковку и торопливо поднёс спасительный шоколад ко рту Сян Бэя.

— Ешь! Бэйбэй, скорее съешь! Съешь — и появятся силы! — от страха и отчаяния голос Мэн Наня охрип, в нём звучала почти безумная мольба.

Но Сян Бэй бессильно покачал головой и отвернулся от еды, которая могла продлить ему жизнь. Он уже выгорел до конца, а Мэн Нань ещё должен был жить.

Его взгляд мягко и печально остановился на лице Мэн Наня — том самом красивом лице, которым он когда-то не мог налюбоваться. Теперь кожа была багрово-фиолетовой от холода, на ушах вздулись волдыри от обморожения, уголок рта лопнул, а на лице остались кровь и синяки после драки.

Всё это без слов рассказывало, через какие невообразимые трудности и опасности Мэн Нань прошёл по дороге сюда.

Боль, тяжелее самой смерти, стиснула сердце Сян Бэя.

Собрав последние силы, он поднял ледяную руку, хотел коснуться ран на лице Мэн Наня, но пальцы бессильно упали.

— Тяжело... было ко мне идти, да?... — в его взгляде смешались бесконечная жалость и вина. — Дурак... мы ведь уже расстались...

Он тяжело дышал; каждый вдох был похож на скрип старых мехов, и жизнь явственно уходила из тела.

— Ты должен... жить... — эти слова прозвучали почти неслышно, но в них заключалась последняя и самая тяжёлая просьба Сян Бэя.

Он смотрел на Мэн Наня с бесконечной любовью и нежеланием расставаться, пока последняя искра в глазах медленно не погасла.

Он обмяк в объятиях Мэн Наня, словно наконец сбросил все тяготы. Выражение лица стало спокойным; на губах будто даже осталась слабая удовлетворённая улыбка.

Он увидел того, кого больше всего хотел увидеть, успел попрощаться и оставил ему надежду на жизнь.

Ему больше не было ни холодно, ни голодно.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Только за окном бесконечно выла метель.

Мэн Нань застыл, будто его мгновенно сковало льдом.

Он крепко прижимал к себе любимого, выглядевшего так, словно тот просто уснул. Неприятый Snickers выскользнул из пальцев и упал на ледяной пол.

Через несколько секунд тишину наконец разорвал сдавленный до предела вопль, будто вырванный из самой глубины души:

— А-а-а-а-а!!!

Безумный, отчаянный плач эхом метался по промёрзшим руинам и был страшнее самой ледяной бури снаружи.

Он прошёл по грани жизни и смерти, преодолел двести километров безнадёжной снежной бездны, отбил от всех голодных волков на пути и наконец добрался до него.

Но успел лишь сказать ему «прощай».

—

— Мэн Нань — тупой придурок! Мэн Нань — тупой придурок!..

Резкий и нелепый крик грубо выдернул Сян Бэя из бесконечного холода и тьмы.

Он резко открыл глаза. Ослепительный солнечный свет заливал гостиную через панорамное окно, а тело ощущало давно забытую, почти блаженную теплоту — вместо холода, способного расколоть саму душу.

— Мэн Нань — тупой придурок! Мэн Нань — тупой придурок!

На перекладине балкона африканский серый попугай по кличке Трещотка всё ещё беззаботно орал свою фирменную «приветственную фразу». Именно он и разбудил хозяина.

В голове Сян Бэя царил хаос, будто заржавевшие шестерёнки с трудом пытались снова прийти в движение.

— Трещотка? — машинально позвал он; голос был сухим и хриплым.

— Я здесь! — весело отозвался красивый серый попугай и замахал крыльями, пытаясь перелететь к нему, но ремешок на лапке дёрнул его назад.

Он недовольно ещё несколько раз затрепыхался, потом сердито уселся на место и завопил:

— Папа! Я голодный! Мучных червей! Мучных червей!

Сян Бэй неподвижно смотрел на него. Сердце будто стиснула ледяная ладонь, а потом резко отпустила, вызвав мучительный спазм.

Воспоминания хлынули обратно, словно вода через прорванную плотину. На десятый день конца света дома не осталось никакой еды.

Сян Бэй боялся, что в конце концов обезумеет от голода и съест Трещотку, которого растил как родного сына. Поэтому, подавляя чудовищную боль и чувство вины, открыл ледяное окно девятнадцатого этажа и выпустил птицу наружу...

Он до сих пор помнил, как маленькая серая фигурка несколько сотен метров отчаянно боролась с режущим ветром, а потом упала вниз, точно невесомый лист.

И помнил последнюю холодную, жестокую мысль, мелькнувшую тогда в голове:

«...Лучше бы съел».

Сильнейшее раскаяние смешалось с безумной радостью от возвращённой утраты, почти лишив его дыхания.

Сян Бэй резко выхватил телефон из щели дивана. Экран загорелся:

1 июня, 09:03.

Эти цифры обожгли глаза раскалённым клеймом. Зрачки мгновенно сузились, телефон едва не выпал из рук.

Он что... переродился?

Или тот долгий ледяной ад был лишь невероятно реалистичным кошмаром, высосавшим из него все силы?

Но холод, ввевшийся в кости, голод, пожиривший сердце и лёгкие, и те последние объятия, пропитанные запахом крови и до ужаса настоящие... Разве такое могло присниться?

— Мэн Нань...

— Первое июня!

Будто получив удар током, Сян Бэй вскочил с дивана и босиком помчался на балкон. Резко распахнул окно.

Тёплый, почти обжигающий солнечный свет мгновенно окутал его. Снизу доносился смех бегающих детей, издалека — музыка, под которую танцевали на площади.

Эта самая обычная, шумная жизнь едва не заставила его расплакаться.

Взгляд намертво приковался ко въезду во двор. Туда медленно въезжала свадебная колонна дорогих машин, украшенных цветами.

Дрожащей рукой Сян Бэй поднял запястье и уставился на секундную стрелку часов. Про себя он начал отсчитывать время; каждое число ударяло по сердцу.

— Десять, девять, восемь, семь... три, два, один... ноль!

— БА-БАХ!!!

Грохот раздался точно в срок, секунда в секунду!

У чёрного Bentley во главе свадебной колонны внезапно лопнула шина!

Громкий хлопок словно подал сигнал всему двору: тут же взвыли одна за другой автомобильные сигнализации, превратившись в сплошное оглушительное море. Закричали дети, ахнули и заругались старики.

Посреди мгновенно вспыхнувшего хаоса и шума Сян Бэй будто разом лишился всех сил.

Он медленно присел на корточки, крепко закрыл лицо обеими ладонями, но горячие слёзы всё равно неудержимо потекли между пальцами.

Это не сон.

Всё было на самом деле.

Он вернулся.

Он действительно вернулся — за два месяца до катастрофы!

На этот раз он не допустит повторения трагедии.

На этот раз он обязательно найдёт Мэн Наня.

И обязательно выживет!

<http://bllate.org/book/20311/2028144>